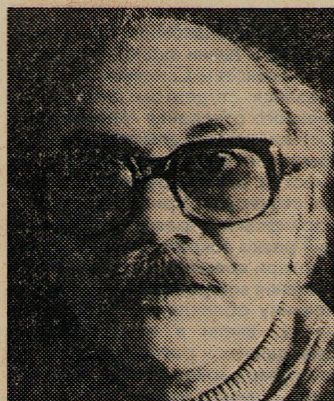

Известия 1995. - Февраль - с. 10.

Проза жизни Давида Самойлова

Эдуард ГРАФОВ

Проза жизни Давида Самойлова — это его поэзия. Он ею жил, он в ней жил. Ведь поэзия — способность соотноситься и с самим собой, и со всем мирозданием. Все остальное — не поэзия, а всего лишь стихотворения.

Поэтичную книгу* написал Давид Самойлов. И всю прозой. По моим многолетним представлениям о нем, это его честный рассказ о поэте Давиде Самойлове. Хотя о чем-то он умалчивает, не говорит. Значит, не считает нужным. Поэта с нами уже нет, и я не думаю, что его намерения по-зволительно как-то «пополнять». Это грех.

Тем более что жил поэт в деревенской избе, а отнюдь не в башне из слоновой кости. Был открытым человеком. Любил прочитать только что написанные стихи. И мудрому, бесконечному своему другу — жене Гале, и сердечному близкому Юре Левитанскому, и просто, например, мне. Даже не верится, что я слышал вот только что написанные «Не смерть Анны Андреевны», «Пестель, поэт и Анна» и заставившее меня заплакать «Мой милый сын, увидишь меня во сне».

Однако, близко зная Давида, никогда не видел, как он писал стихи. Не видел его, например, бродящим среди берез и шепчущим что-то при этом в рифму. То есть среди берез-то он бродил, но тем самым просто-напросто жил. Шел то есть куда-то.

Я застал Давида уже во второй половине его жизни. Книга «Памятные записки» открыла мне, каким дивным он был мальчиком. Этот мальчик, несомненно, повлиял в дальнейшем на поэзию Давида Самойлова. Преданное отношение к своему детству многим помогало выжить и даже состояться. «И тогдашний московский мороз — розовый, с инеем в парках, какой-то невероятно детской красоты...» Невероятно детской красоты! Вот такова проза Самойлова.

Так чем прекрасен был тот мальчик? «Скверный малый! — могу сказать о самом себе с поздним раскаянием». Нет, он не был «скверным малым», просто

он был обильно влюблен во всех и во все, но «не был достоин тогда ответного чувства, потому что просто не знал, что с ним делать». Ну в девочек-то он влюблялся повально. Если верить автору книги, они в него — тоже. Видимо, так оно и было. Что подтверждает весь дальнейший ход событий на протяжении десятилетий.

Но как прекрасно этот мальчик восхищался своими друзьями-сверстниками! Их умом, их талантом. Ведь что в данном случае существенно, он же и сам, что стало заметно довольно рано, был ярким мальчишкой. А такие обычно увлекаются собственной персоной, не отвлекаясь на других.

Это чувство справедливого, ничем незатуманненного отношения к талантливым людям в нем сохранилось на всю жизнь, просто со временем стало более основательным и менее восторженным. К большинству стихотворцев Самойлов относился со вздохом — ну, дескать, пишет, что ж тут подделаешь. По отношению к подлинным поэтам никакой присущей Самойлову иронии не припомню. Только всерьез, хотя и немногословно.

Помню, много лет назад он прочитал близким только что законченные заметки о своем старшем, сложном друге Борисе Слуцком. Это была изумительная проза, великолепная и по исполнению, и по наблюдениям, и по мыслям. О Слуцком сказано: «Он ходил, рассекая воздух». Я воспринял это как поэтический образ. Но чуть ниже прочитал: «Он действительно рассекал воздух». Какая поэтическая четкость прозы! А о Сельвинском: «Он мыслит стихами, произнесенными вслух, как композитор музыкой...»

То есть, когда было за что, уж уважать и дорожить Давид Самойлов умел, «мышление Наровчатова было настолько масштабным, что порой не вмещалось в стихи и в события его жизни». Мне частенько приходилось

бережно отвозить в машине слепнувшего Давида «к Сереже». Судя по довольно скупым рассказам Давида, это было весьма высокое общение. Затрудняюсь объяснить вам это моими словами. Благо, дальше в книге я прочитал: «Почему-то весь день этот не расставались. Не читали друг другу стихов, не вели очень умных разговоров. Но время текло быстро и важно, если так можно сказать о течении времени». Быстро и важно... Правда, речь идет о Николае Заболоцком. Но смысл текста — все того ж Самойлова.

Конечно, решающим, переломным периодом в жизни Давида Самойлова была война. Он прошел ее до Берлина. Во мне осталось внятное ощущение, что к войне он относился, как к огромному мужскому труду, который выполняет изо дня в день солдат. Если Давид иногда и говорил о войне, то никоим образом как о героизме. И очень берег фляжечку еще с Волховского фронта. Очень любил попить из нее водочку.

«Я на фронте думал порой, что такое смелость. Иногда казалось, что это фатализм, иногда — безумная отрешенность от смерти. А сейчас мне кажется, что смелость — это умение быть самим собой во всех обстоятельствах. Такая смелость мне кажется самой достойной». Сугубо по-самойловски! Это о смелости и перед лицом смерти, это о смелости и перед лицом жизни.

Могу сказать совершенно достоверно: главное, что вынес из лет войны Давид Самойлов, — это спокойное, глубокое уважение к так называемому простому человеку. «Народ купается в стихии речи, отмывая в ней мысли. Мы же речью только полощем горло». Сказано в книге при воспоминании о простом пехотинце Иване Каботове. Сказал это один из главных поэтов России Давид Самойлов.

Какая беда, когда такие необходимые люди помирают. И все как-то вдруг, как-то неурочно. Словно хотя бы побольше нам сделать. Впрочем, Давид думал совсем иначе: «Наверное, это самое удивительное свойство поэтов — они знают, что умирают. И им самим кажется, что это вовремя». Вот и пойми!

* Д. Самойлов. «Памятные записки». Москва. «Международные отношения». 1995.